

МНОГОВАРИАНТНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ (НА ПРИМЕРЕ СЛОБОЖАНЩИНЫ XVI–XVII ВВ.)

Статья отображает историю формирования Слобожанщины (Слободской Украины) как региональной цивилизации в XVI – начале XVII вв. Показывается связь истории Слобожанщины с историей Северной земли, России и Украины.

Ключевые слова: Северская земля, Слобожанщина, Русское государство.

Стаття відображає історію формування Слобожанщини (Слобідської України) як регіональної цивілізації в XVI – на початку XVII ст. Відображено зв'язок історії Слобожанщини з історією Сіверської землі, Росії та України.

Ключові слова: Сіверська земля, Слобожанщина, Російська держава.

The article displays a history of Slobozhanshchina (Sloboda Ukraine) as regional civilization in the 16th and early 17th centuries. It is shown how the history of Slobozhanshchina is connected with the history of the Seversk land, Russia and Ukraine.

Keywords: Seversk land, Slobozhanshchina, Russian State.

Формулировка проблемы. Важное значение для исследований по истории Украины и истории государства и права Украины имеют проблемы региональной истории. Это связано с переосмыслением роли отдельных частей государства (регионов) в историческом процессе. Упомянутое переосмысление заключается в отображении *роли регионов как субъектов (а не только объектов) исторического процесса*. Данную роль можно, считаем, отобразить следующим образом в виде цикла из трех основных элементов:

1. Любое государство (за исключением самых малых – «карликовых» – государственных образований) в процессе своего формирования изначально включает определенные части – регионы, ранее бывшие или отдельными государствами, или частями других государств. Таким образом, любое вновь возникающее государство изначально включает в себя региональную компоненту. Мало того, власть вновь возникающего государства еще и усиливает данную компоненту следующим образом: она формирует государство на основе одного или нескольких регионов. Таким образом, в основу государства кладется политическое устройство и менталитет населения именно данных регионов как своеобразный «эталон» для всего остального населения данного государства;

2. В процессе формирования государства неизбежно возникает вопрос так называемых «спорных территорий». Спорных в том смысле, что вопрос об их принадлежности именно данному государству далеко не всегда является предопределенным. Чаще всего здесь возникает ситуация, обозначаемая нами как «территориальная государственная альтернатива». Она заключается в том, что регион (территория и ее население), вошедший в состав данного государства, при других

исторических обстоятельствах мог бы в него и не войти. А именно, он мог бы стать (или остаться) частью другого государства или самостоятельным государством. И наоборот, регионы, оставшиеся за пределами данного государства в процессе его формирования и дальнейшего развития, в иных исторических обстоятельствах могли бы стать именно его частями, а не частями других (сопредельных) государств. При этом государственная принадлежность того или иного региона определялась межгосударственными отношениями – войнами, договорами и т. д. – далеко не на сто процентов. Часто на формирование и последующее изменение государственных границ влияли политические настроения населения региона, а также позиция местных властей;

3. При последующей относительной стабилизации пределов государственной территории внутри государства продолжают сохраняться межрегиональные противоречия. Все население государства и его территорию можно при этом условно разделить на две части. Первую часть составляют регионы (регион), население которых отождествляет себя в первую очередь с данным государством, а уже потом – со своим регионом. Как правило, это те самые территории, которые легли в основание государства. Их население – политическая и идеологическая опора государства. Вторую часть составляют регионы (регион), население которых имеет в первую очередь региональную, а уже потом государственную идентичность. Как правило, это бывшие (или нынешние) спорные территории. Их население склонно к автономизму и / или сепаратизму по отношению к данному государству.

Пока государство относительно сильно, оно может нивелировать фактор, указанный нами в пункте 3. Даже временные потери территорий не ведут здесь к краху страны как таковой. Когда же государство слабеет, теряет территории и, в конце концов, распадается, то весь цикл политического регионального развития, описанный нами выше, начинается вновь.

Осознание и последующее отображение в исторических и историко-правовых исследованиях по истории Украины роли регионов как субъектов исторического процесса, в свою очередь, тянет за собой переосмысление самого этого процесса применительно к истории Украины и истории государства и права Украины. Подразумеваем прежде всего, утверждение *о многовариантности исторического развития*. Его суть считаем нужным изложить также в трех пунктах:

1. Любая общественно значимая задача (например, создание того или иного государства) далеко не всегда могла решаться обществом именно так, как она в конце концов решилась. В процессе ее решения были и альтернативные варианты, по тем или иным причинам не осуществившиеся.

2. Несостоявшийся альтернативный вариант на протяжении более или менее долгого периода времени «дремлет», внешне никак не проявляясь (или проявляясь слабо) в политической жизни и идеологии населения. Однако это не значит, что он безоговорочно принадлежит лишь историческому прошлому. При определенных обстоятельствах он может «всплыть» на поверхность политической жизни вновь, уже

в качестве ориентира на будущее.

3. В процессе взаимодействия различных, порой резко противоречащих друг другу, «конфликтных» вариантов развития они не просто пересекаются на определенной территории, но и взаимно переплетаются. А именно, носители определенных идеологических взглядов заимствуют друг у друга отдельные компоненты идеологии и политической практики, разумеется, выдавая такие заимствования за свои собственные взгляды и категорически отрицая влияние своих политических оппонентов (а часто откровенных врагов).

Утверждение о многовариантности исторического развития, в свою очередь, тянет за собой утверждение об *исторической многогосударственности украинского народа (граждан Украины всех национальностей)*. Под многогосударственностью мы подразумеваем сосуществование в прошлом на территории современной Украины разных государств, созданных на основе различных регионов и воплощавших в себе разные варианты исторического развития. Тезисно это выглядит так:

1. Все государства, существовавшие на территории Украины в прошлом, можно считать «украинскими» в том смысле, что в их создании и последующем функционировании активное участие принимали украинцы, принадлежавшие к разным народам нашей нынешней страны. Это – многогосударственность «по вертикали»;

2. На территории современной Украины в прошлом одновременно сосуществовали по крайней мере два (а временами и больше) государства с участием украинцев. Это – многогосударственность «по горизонтали».

Таким образом, региональная история является не просто дополнением уже устоявшихся взглядов на историю «национальную» (государственную), а и существенно корректирует ее.

Это утверждение в полной мере относится и к Слобожанщине. Слобожанщина – регион, существовавший на протяжении нескольких веков и впитавший в себя культуру многих народов. А значит, считаем, в полной мере отображающий в себе и роль регионов в историческом процессе, и многовариантность исторического развития Украины, и многогосударственность ее народа.

Для доказательства всех этих суждений важное значение приобретает исследование процесса формирования Слободского края. Он проходил, считаем, в XVI – первой половине XVIII вв. и охватывает период от присоединения бассейна р. Северский Донец к Русскому государству в результате русско-литовской войны 1500–1503 гг. до образования Слободско-Украинской губернии в 1765 г. Присоединяемся к мысли В.Л. Маслийчука, что в своем процессе формирования Слобожанщины (Слободская Украина) было следствием не столько «борьбы» различных культур, сколько их диалога. И поэтому сам регион Слобожанщина есть плод, результат такого диалога [7, с. 184]. Еще одна мысль В.Л. Маслийчука касается представлений о том, что вообще есть Слобожанщина. Ее принято отождествлять со слободскими полками, военно-административными казацкими единицами,

существовавшими с середины XVII в. до 1765 г. «Однако понимание Слобожанщины значительно шире, оно связано в первую очередь, с колонизационным движением и часто выходит за пределы «слободских полков», охватывая и соседние территории...» [7, с. 185], – именно это суждение известного специалиста по истории Слободского края, разделяемое нами, и легло в основу материала данной статьи.

Цель статьи – исследование процесса формирования Слободского края в XVI – начале XVII вв. **Задача статьи** – исследование особенностей трех вариантов развития бассейна Северского Донца (Слобожанщины) – в составе Северской земли, непосредственно в составе Русского (Московского) государства и в составе «Лубенской державы» князей Вишневецких.

Анализ последних исследований и публикаций по теме. Ключевое значение для исследования данной проблемы имеют труды «История Слобожанщины и Белгородского края» [5], а также диссертация Н.М. Багновской, посвященная населению этого края – севрюкам (потомкам летописных северян) [1]. Они дают развернутую картину заселения будущей Слобожанщины и ее политического устройства в данное время. К ним примыкает работа О.В. Русиной, освещающая вопросы миграций населения, а также социально-экономического развития Северской земли в описываемый период [9].

Не утратила своего значения для исследования данной проблемы и работа В.П. Загоровского, характеризующая процесс отношений Северской земли с Россией в первой четверти XVI в. [3]. Наконец, работы Т.О. Исаева [4] и А.А. Майорова [8] имеют значение для исследования страницы слобожанской истории, связанной со «Смутным временем» в Московском государстве начала XVII в.

Война между Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским 1500–1503 гг. признается современными авторами поворотным моментом в истории края. Так, авторы «Истории Слобожанщины...» отмечают, что в результате побед русских войск над литовцами в 1500 г. «все население слободских земель было приведено к крестному целованию (присяге на верность – Г. К.) Ивану III, что фактически означало их включение в состав России» [5, с. 18]. Официальное вхождение Слободского края в состав Русского государства было закреплено в условиях перемирия между Русским государством и Великим княжеством Литовским в 1503 г., а затем «Вечного мира» между ними в 1508 г.

После присоединения региона к России сформировалось его официальное название «Государева Слободская Украина». Оно стало использоваться русским правительством как во внутренней, так и в международной практике [5, с. 3]. Термин «Государева» означал, что эта территория была составной частью Русского государства и подчинялась власти русского царя – «государя». Термин «Слободская» происходил от названия поселения – «слобода». Для привлечения сюда новых поселенцев Русское государство освобождало слободы от налогов и повинностей, вводило другие льготы. Термин «Украина» свидетельствовал о том, что эта территория Русского государства была особым приграничным регионом [5, с. 3].

Все эти особенности Слобожанщины формировались постепенно. Первый вариант его развития – это его принадлежность к Северной земле, региону, сформировавшемуся на основе древнерусского племенного союза северян. Этот регион, исходя из сегодняшних реалий, трудно считать чисто украинским, поскольку северскими в XVI – XVII вв. считались не только Чернигов, Путивль, Любеч, Новгород – Северский, но и Брянск, Стародуб, Рыльск, Гомель [9, с. 65]. Северская земля, входившая в состав Великого княжества Черниговского, а затем княжеств Брянского, Новгород-Северского, Стародубского и т. д. занимала промежуточное, «серединное» положение между центрами консолидации восточного славянства – Владимиро-Суздальским и Галицко-Волынским княжествами, а затем, в XIV–XVI вв. – между Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским [1, с. 236, 237]. Именно эта самобытность и определила выделение данной территории в особый регион.

Население Северщины известно в источниках XVI–XVII вв. под именем севрюков, что отражает преемственность с летописными северянами древнерусских времен [1, с. 236, 237].

Именно севрюки составляли население (хотя и непостоянное) на землях в верхнем и среднем течении р. Северский Донец, которые в XII – первой половине XIII вв. постепенно осваивались Черниговским княжеством. Здесь, на месте современного Харькова, располагался древнерусский город Донец. Занимались севрюки в основном промыслами, особенно бортничеством. Продукты бортничества имели стабильный спрос на рынках России, где Северская земля выступала как один из главных поставщиков меда и воска [9, с. 68].

Еще в литовский период своей истории (XIV – начало XVI вв.) севрюки научились рационально соединять занятия рыболовством, охотой, бортничеством с наймом на пограничную службу сначала в Литве, затем в России. Именно поэтому русское правительство в XVI в. широко использовало путивльских севрюков для несения сторожевой службы на территории будущей Слобожанщины [5, с. 26].

Во второй половине XVI – начале XVII вв. в жизни Северной земли стали происходить значительные изменения. Потребность в дальнейшем освоении Поля вызывала необходимость наличия здесь постоянных, а не временных поселенцев, занятых в первую очередь обороной южной границы России. В конце XVI в. на малозаселенную Путивльщину буквально выплеснулась миграционная волна из центральных и центрально-черноземных районов России, которая в определенной мере поглотила местных севрюков [9, с. 68]. Да и сама граница, ранее размытая, стала приобретать все более четкие очертания в результате реорганизации в 1571 г. русской пограничной службы на Поле. Руководство этой службой стало централизованно осуществляться из Москвы, уже известные прежде станицы (отряды конных воинов), набиравшиеся до сих пор преимущественно из путивльских севрюков, должны были ездить «на Поле» по строгому расписанию и утвержденным в Москве маршрутам. Вновь создавались крупные сторожи (сторожевые посты), состоявшие не из

вольнонаемных севрюков, а из «государевых служилых людей» во главе со специально назначенными начальниками – «стоялыми головами» [3, с. 156]. Наконец, «на Поле» началось строительство новых городов-крепостей, бывших опорными пунктами Русского государства в освоении Степи. Одним из них был Царев-Борисов, расположенный при впадении р. Оскол в Северский Донец [4].

Ко всем этим изменениям севрюки оказались мало подготовленными. Их вольный, фактически казацкий образ жизни, отсутствие дисциплины, а главное, мировосприятие себя как хозяев до того малоосвоенных земель шли вразрез с новой политикой государства. Как в литовский, так и в московский периоды своей истории севрюки не признавали над собой жесткую государственную опеку [5, с. 18]. В определенный политический момент это могло привести и к выходу из подданства одного государства и присоединению к другому. Так уже было в августе 1500 г., когда севрюки, составлявшие гарнизон Хотмыжска (ныне Белгородская область РФ) – самой юго-восточной литовской крепости и опорного пункта Великого княжества Литовского в Северской земле – без боя перешли на сторону России [5, с. 18].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что с началом в Московском государстве «Смутного времени» в начале XVII в. Северская земля оказалась едва ли не самым «мятежным» регионом тогдашней России. Ее население поддерживало не московских правителей – Бориса Годунова, а затем Василия Шуйского, а «царя Дмитрия Ивановича» (в обеих ипостасях: Лжедмитрия I и Лжедмитрия II), а также «большого воеводу царя Дмитрия» И. Болотникова [4, с. 26; 6, с. 43, 73, 78]. Город Путивль (к уезду которого принадлежал и бассейн р. Северский Донец) был постоянным местом сбора повстанческих армий, стремившихся захватить Москву [8, с. 65]. По мнению А.А. Майорова (к которому мы присоединяемся), такое развитие событий на Северщине в эпоху Смуты – результат сравнительно слабой интеграции данного региона в Русское государство в предшествующий период, с начала XVI в. Присоединив к своему государству большую часть древнего Черниговского княжества, Москва оказалась неспособной (во всяком случае, на первых порах) освоить его [8, с. 135, 139]. В то же время, рост давления государства на жителей, особенно на вольных севрюков, с конца XVI в. способствовал усилению протестных настроений, в конце концов вылившихся в вооруженный конфликт Центра с этой окраиной государства в Смутное время [8, с. 141].

Вторым вариантом развития Слободского края было, как уже упоминалось выше, заселение бассейна р. Северский Донец поселенцами из центральных районов России в связи с движением Московского государства в Степь. При характеристике этого процесса считаем нужным процитировать В.Л. Маслийчука: «Оборонная экспансия Московского государства ...имела важный признак – оборонные линии («засечные черты» – Г. К.). ...Первая такая линия укреплений – «Заокская» – оформилась уже в первой половине XVI в. Центром оборонительных сооружений подвижного пограничья был город Тула... Рядом к западу от линий существовала система крепостей, очень важных для будущей колонизации, – Путивль, Мценск,

Пронск. ...В засечную черту в движении на юг вошли Курск, Орел, Мценск, Алатырь. Такое продвижение на юг было успешным, государственные инициативы казались, и защитят сердцевину государства, и позволят продвигаться на плодородные земли. Особенно это стало заметно при московских царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. Вне засечной черты времен Ивана Грозного возникли новые укрепленные населенные пункты. ...Интересной является история создания крепости Цареборисов. ...В 1599 г. воеводы Богдан Бельский и Семен Алферов построили крепость, которую назвали Цареборисов в честь царя и патрона. Строительство было авантюрой, ведь крепость была очень удаленной от черты и скорее была проявлением амбиций – вотчинного городка воеводы Богдана Бельского, нежели продуманной политики» [7, с. 188-189].

Мы привели столь длинную цитату потому, что она прямо касается нашего сюжета – истории города – крепости Царева Борисова (Цареборисова) как проявления «русской альтернативы» в истории формирования Слобожанщины.

Суть этого альтернативного варианта развития, считаем, раскрыта в исследовании Т.О. Исаева, специально посвященного Цареборисову [4]. Автор отмечает, с одной стороны, наличие в городе воеводской власти, характерной для местного управления Русского (Московского) государства на его пограничных окраинах [4, с. 92]. В исследовании перечислены (со ссылкой на наказ воеводам) их обязанности: мобилизация и документальный учет «детей боярских», стрельцов, казаков и т. д. на строительство крепости; непосредственное руководство ее сооружением; надзор за состоянием городских укреплений и поддержание их в порядке, обследование близлежащих территорий на предмет выяснения плодородности местных почв и т. д. [4, с. 93]. С другой стороны, Т.О. Исаев пишет о царском наказе воеводам «созвать всех свободных атаманов и казаков с Северского Донца, оскола и других местных рек, которые тут жили, и объявить, что царь пожаловал их теми реками и речками, “велел отдать им, донецким и оскольским атаманам и казакам безданно и безоброшно, чтобы они жили по своим юртам и угодыми всякими владели, а государю служили”» [4, с. 94].

Комментируя упомянутый царский наказ, Т.О. Исаев видит его значение, во-первых, в подтверждении факта заселения этой части Слобожанщины. Т. е. данный документ – свидетельство того, что еще до основания Цареборисова Поосколье отнюдь не было «Диким Полем». И мы присоединяемся к данному мнению. Во-вторых, Т.О. Исаев отмечает, что наказ царя Бориса был началом правового оформления земельной собственности местного казачества, до тех пор владевшего землей без всякого документального подтверждения прав на нее: «Таким путем власть, оставляя в неприкосновенности поземельные отношения, которые складывались на этой ничейной территории, пыталась приспособить их к потребностям феодального государства» [4, с. 94].

Не отрицая выводов, сделанных Т.О. Исаевым, и присоединяясь к ним, считаем нужным, однако, обратить внимание на другие важные моменты, касающиеся

политического устройства Поосколья (а с ним и в целом Слобожанщины). Т.О. Исаев далее отмечает, что «воевода Б. Бельский не предлагал оскольским казакам перейти под начало дворянских голов. Тем самым сохранялся принцип выборности атаманов у вольных казаков» [4, с. 94]. И далее: «служебные обязанности местных казаков, определенные царским указом, не были обременительными. Им поручалось следить за перемещением татар в здешних степях и противодействовать «воровским» казакам, «чинить промысел над ворами». Они должны были присылать в Цареборисов пленных, «выезжих людей и отписки о всяких делах». Пленных черкас цареборисовские воеводы должны были в свою очередь отсылать в Москву» [4, с. 94].

Сопоставляя обязанности местного казачества по несению «государевой службы» на правах земельного пожалования с обязанностями городских воевод Цареборисова, утверждаем, что в приведенных Т.О. Исаевым фактах показана система власти и политический статус Слобожанщины в составе Русского государства. А именно, Слобожанщина (Поосколье) задумывалась как пограничная территория России. В ее политическом устройстве должны были сочетаться элементы государственной централизации в виде власти воевод и местной, региональной децентрализации в виде вольных общин местного казачества во главе с выборными атаманами. Приведенные выше слова по поводу «воровских» казаков и «черкас» (украинцев – подданных Речи Посполитой, постепенно заселявших бассейн Северского Донца и не принимавших подданства России – Г. К.) свидетельствуют о том, что данная политическая организация была направлена не против казачества вообще, а именно против той его части, которая не желала признавать над собой русской государственной власти, а значит, и прав России на эту территорию.

Все вышесказанное не позволяет нам согласиться с выводом В.Л. Маслийчука о том, что основание города-крепости Царев Борисов (Цареборисов) было не более чем амбициями Б. Бельского по созданию его собственного вотчинного городка. Напротив, мы присоединяемся к мнению, что данное событие было частью продуманной государственной политики, направленной на установление контроля над территорией бассейна р. Северский Донец и для противодействия «воровскому» казачеству, представленному как «русскими» (донскими), так и «украинскими» («черкасами») казаками.

Другое дело, что сил для осуществления данного политического и административного проекта у русской власти явно не хватало. И здесь следует согласиться с В.Л. Маслийчуком, считающим, что «...за видимым успехом скрывались невидимые, на первый взгляд, неудачи. Московскому государству не хватало сил как удерживать это пограничье, так и контролировать смешанное население. В результате событий «Смуты» пограничные крепости были разрушены, а война с Речью Посполитой 1612–1618 гг. привела к тому, что немало новых пограничных городов было разорено украинскими казаками (Ливны, Оскол, Валуйки, Белгород). Сожженный Цареборисов быстро запустел...» [7, с. 189]. Комментируя эту

цитату, прежде всего отметим враждебность Русскому государству украинского казачества, выступавшего на стороне Речи Посполитой и тем самым показавшего правоту правительства Бориса Годунова, пытавшего создать на пути «черкас» заслон, в том числе и в виде города-крепости Цареборисов.

Справедливости ради, однако, отметим, что запустение города в эпоху «Смутного времени» было вызвано не столько враждебными действиями Речи Посполитой и украинского казачества, выступавшего на ее стороне, сколько внутренними противоречиями в самом Русском (Московском) государстве. Применительно к Цареборисову это проявилось в активном участии его жителей и местных оскольских казаков в событиях «Смуты», а именно, в поддержке обоих самозванцев – сначала Лжедмитрия I, а потом и Лжедмитрия II, а также «воеводу царя Дмитрия Ивановича» И. Болотникова [4, с. 97]. Так что постепенное запустение Цареборисова и его сожжение крымскими татарами при очередном набеге в 1612 г. следует считать не причиной, а следствием неудачи «русского варианта» формирования Слобожанщины.

Следует также отметить, что упомянутый вариант вовсе не исчерпал себя в результате бурных событий «Смуты». Данная тенденция, по нашему мнению, нашла свое отражение в условиях завершившего Смуту Деулинского перемирия России с Речью Посполитой (декабрь 1618 г.). Тогда Северская земля отошла к последней на правах полуавтономного региона – Северского (Черниговского) княжества. Однако территории будущей Слобожанщины это уже не касалось, так как Путивльский уезд и бассейн Северского Донца остались за Россией. Тем самым, считаем, была создана важнейшая предпосылка для продолжения осуществления данного варианта. И Цареборисова это прямо коснулось. Подразумеваем здесь как попытки возродить город в правление царя Михаила Федоровича (1625 г.), так и пребывание на Цареборисовском городище вплоть до времени его нового заселения в середине XVII в. (уже украинскими казаками и крестьянами) русских «сторож» и станичников [4, с. 97].

Подводя итоги рассмотрению «русского варианта» формирования Слобожанщины, отметим, что в нем нашла отражение тенденция, которая позднее станет доминирующей в ее политическом устройстве, а именно: сочетание государственной власти и местного казачьего самоуправления. С той лишь существенной разницей, что последнее будет представлено уже не севрюками и русскими донскими казаками, а «черкасами» – украинцами, перешедшими на русскую службу, принявшими русское подданство. И ставшими таким образом, не «воровскими», а «служилыми» черкасами, создавшими (с разрешения и поощрения русского правительства) свою военно-административную организацию – слободские полки.

Третий вариант формирования Слободского края в XVI – XVII вв. был связан с Речью Посполитой, а точнее, с крайней восточной ее частью. Последняя включала полностью или частично территории современных Полтавской, Сумской,

Черниговской, Киевской и Черкасской областей и известна под названием «Вишневецчина», а в последнее время, благодаря трудам историков Полтавы, – «Лубенская держава» [6].

Речь Посполитая (а до нее – Великое княжество Литовское) также проводила политику колонизации новых просторов лесостепного пограничья при активном участии украинского крестьянства и казачества [7, с. 189]. Поскольку в этих государствах, в отличие от России, не было сильной централизованной государственной власти, процесс колонизации осуществлялся отдельными магнатами – Вишневецкими, Конецпольскими [7, с. 190]. Способом колонизации при этом были «слободы» – поселения, жителям которых определенное время разрешалось жить по системе льгот, неся за это сторожевую службу и осваивая незаселенные просторы [7, с. 189–190]. При этом значительное влияние на процесс колонизации имели казачьи формирования Запорожской Сечи. В конце концов, именно столкновение пограничных интересов магнатов Речи Посполитой с казачеством, игравшим основную роль в колонизации, стало одной из причин приграничных конфликтов и войн. Последние, в конце концов, в середине XVII в. вылились в Хмельниччину.

Существование «Лубенской державы» было связано с домодерным (до формирования современных национальных государств) политическим устройством общества. Тогда частная земельная собственность феодальных владетелей означала также и осуществление ими публичной власти над населением соответствующей территории, а именно текущего управления, суда, охраны общественного порядка и военной защиты. Отсюда и политико-правовые термины староукраинского языка XVI – XVII вв.: «держава» – применительно к владениям феодала, а применительно к самому феодалу – «державець» (правитель, обладающий правами монарха) [6, с. 122].

Присоединяемся к следующей мысли полтавских историков: формально будучи частью Речи Посполитой, реально «Вишневецчина» была государством в государстве. По характеру публичной власти (монархия), а также по размерам территории и количеству населения (около трехсот тысяч подданных) она была подобной тогдашним средним европейским королевствам и княжествам [6, с. 122].

В связи с вышеизложенным отметим, что именно в «Лубенской державе» (а не в Цареборисове) следует, по нашему мнению, искать пример «вотчинного государства» как политического инструмента освоения новых земель украинской лесостепи.

Для Слобожанщины «Вишневецчина» могла бы стать вариантом ее исторического развития из-за следующих обстоятельств: во-первых, из-за наличия в «державе» слобод как поселений лично свободных крестьян – земледельцев (именно эта модель общественного устройства стала со временем основой Слобожанщины и дала название всему региону); во-вторых, из-за стремления «державы» к увеличению своей территории. Особенно восточном направлении, к бассейну Северского Донца. Так, на протяжении первой половины XVII в., пользуясь противостоянием Русского государства и Речи Посполитой, «Лубенская держава» вплотную «подбиралась» к слобожанским землям путем установления постоянного или временного контроля над

городами Путивль, Ромны, Недригайлов, Ахтырка (современной Сумской области) [6, с. 123].

Сыграла «Вишневецчина» свою роль и в событиях, связанных с Чугуевским восстанием 1641 г. Тогда казаки Чугуевского казацкого войска, созданного русскими властями из украинцев – бывших подданных Речи Посполитой – для охраны южных границ Московского государства, взбунтовались против местных воевод под влиянием полтавских шляхтичей [6, с. 123]. И хотя роль властей «Лубенской державы» при подстрекательстве казаков к бунту неочевидна, считаем, что для «Вишневецчины» это восстание было выгодным. Во-первых, оно ослабляло Московское государство – могущественного конкурента «Вишневецчины» в освоении лесостепных просторов Левобережной Украины. Во-вторых, разрушало один из очагов казачества, которое, как было сказано, также конкурировало с «Лубенской державой» в процессе колонизации.

В целом, в порядке вывода отметим, что «Вишневецчина» была, по нашему мнению, непрочным и потому временным «гибридом» магнатско-шляхетских и крестьянско-казацких порядков и потому сравнительно быстро развалилась под ударами Хмельниччины. А для Слобожанщины она стала одним из возможных вариантов формирования ее региональной идентичности (вместе с соседними областями Левобережной Украины).

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы:

1) эти страницы истории Слободского края опровергают расхожее мнение о его полном запустении со времен монголо-татарского нашествия в XIII в. и до массового заселения черкасами (украинцами, бывшими подданными Речи Посполитой) в середине XVII ст. Хотя население бассейна Северского Донца явно уменьшилось, полного запустения края не произошло [1, с. 236]. Нахождение бассейна р. Северский Донец в составе Северской земли (что, кстати, отразилось в самом названии главной реки Слободского края) – это связь Слобожанщины с историей Древней Руси, отнюдь не прерванная монголо-татарским нашествием;

2) население края – севрюки – по своему образу жизни напоминало позднейшее казачество и тем самым, считаем, заложило основу социально-экономической жизни на Слобожанщине, а также ее политического устройства в период ее дальнейшего заселения и освоения в XVII–XVIII вв., смешавшись с более многочисленными и лучше организованными черкасами (украинцами – выходцами из Заднепровья). Тем самым перебрасывается «исторический мостик» в эпоху «зрелой» Слобожанщины;

3) по мере заселения края в конце XVI – начале XVII вв. вырисовывалась альтернатива развития Слобожанщины в виде составной органичной части русской «украины» – обширного пограничного региона, включавшего, помимо современной Харьковской области, также территории Белгородской, Курской, Воронежской и Тамбовской областей. В бассейне Северского Донца «украина» была представлена городом-крепостью Царев Борисов (Цареборисов). Вся история последнего демонстрирует органическую связь с историей России и опять-таки, перебрасывает

«исторический мостик» в эпоху «зрелой» Слобожанщины;

4) помимо упомянутых выше вариантов политической организации Слобожанщины в составе России, в истории края намечался и вариант его формирования в составе Речи Посполитой. В силу специфики политического устройства этой страны данный вариант мог быть реализован в виде «вотчинного государства» магнатов Вишневецких – «Лубенской державы» («Вишневецчины»).

Таким образом, пребывание бассейна р. Северский Донец в составе Северской земли, русской «украины» и «Лубенской державы» Вишневецких в XVI – начале XVII вв. по нашему мнению, оставило свой след в языке, культуре, повседневном быте, экономике и политическом устройстве позднейшего Слободского края, что и является перспективой дальнейших научных исследований в данном направлении.

Література:

1. *Багновская Н. М.* Северская земля: историко-этническое формирование и развитие населения в VIII–XVIII вв. : дис. ... доктора ист. наук: спец. 07.00.02. Москва, 2002. 290 с.
2. *Верменич Я. В.* Територіальна організація в Україні як наукова проблема: регіонально-історичний та політико-адміністративний виміри. Київ, 2008. 160 с.
3. *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. 272 с.
4. *Исаев Т. О.* Цареборисів: від заснування до утворення Ізюмського слобідського козацького полку // Вестн. Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Каразина. Сер. : История Украины. Украиноведение : ист. и философ. науки. 2010. Вып. 13. № 906. С. 91–103.
5. *Овчинников В. В., Олійник М. М.* Історія Слобожанщини та Белгородського краю : навч. посіб. Белгород, 2011. 336 с.
6. *Канищев Г. Ю.* «Лубенська держава кінця XVI – першої половини XVII ст. і Слобожанщина // Матеріали XVIII Міжнарод. наук.-практ. конф. «Людина, культура, техніка у новому тисячолітті». Харків, 2017. С. 122–123.
7. Лицарі Дикого поля. Плугом і мушкетом. Український шлях до Чорного моря : популярне видання / Бачинська О. та ін. Харків, 2016. 352 с.
8. *Майоров А. А.* Восставшие за правду (Орловская земля в начале XVII века.). Орел, 2013. 156 с.
9. *Русіна О. В.* Українські землі у московській зовнішній та внутрішній політиці кінця XV – початку XVII ст. // Український історичний журнал. 1996. № 4. С. 62–74.

Grygory Kanishchev

**MULTIVARIANCE OF HISTORICAL DEVELOPMENT OF UKRAINE
(THROUGH THE EXAMPLE OF SLOBOZHANSCHINA
OF 16TH-17TH CENTURIES).**

The history of modern Ukraine is mainly the history of the regions, each of which has its own, different from the others, historical destiny. This statement can be fully applied to Slobozhanshchyna (Kharkiv region). What is Slobozhanshchina – is it an «artifact» of the Ukrainian nation or a regional civilization (a special type of culture, including a political one), which has existed for several centuries and absorbed the culture of many nations, including Ukrainian? To answer this question it is quite essential to study the process of the Slobodskiy Region formation.

It is considered that it took place in the 16th and early 17th centuries and covers the period from the annexation of the Seversky Donets River Basin to the Russian state as a result of the Russian-Lithuanian War (1500–1503) to the formation of the Sloboda-Ukrainian province in 1765. This process was marked by the presence of the Seversky Donets in composition of the Seversky land in the late 16th and early 17th centuries.

Therefore, the purpose of this article is to study the process of the Slobodskiy region formation when its future territory was part of the Seversk land in the late 16th –early 17th centuries. The objectives of the work should display the annexion of the Seversky Donets into the Seversky land as a result of the Russian-Lithuanian war of 1500–1503, study characteristics of the social structure of the Seversky Cossacks and their participation in the events of the Time of Troubles.

The war between the Grand Duchy of Moscow and the Grand Duchy of Lithuania in 1500–1503 was recognized by contemporary authors as a turning point in the history of the region. The official entry of the Slobodsky Region into the Russian state was secured in the conditions of an armistice between the Russian state and the Grand Duchy of Lithuania in 1503, and then the «Eternal Peace» between them in 1508. After the region was annexed to Russia, its official name «Sloboda Ukraine Gosudareva» was formed. It became used by the Russian government both in domestic and in international practice. The term «Gosudareva» meant that this territory was an integral part of the Russian state and was subject to the authority of the Russian tsar, the «Sovereign». The term «Slobodskaya» was derived from the name «settlement». To attract new settlers here, the Russian state exempted settlements from taxes and duties and introduced other benefits. The term «Ukraine» testified that this territory of the Russian state was a special border region.

All these features of Slobozhanshchina formed gradually. The entry of the future Sloboda region into the Russian state at the beginning of the 16th century meant its belonging to the Seversk land – a region formed on the basis of the ancient Russian tribal union of the northerners. This region, based on today's realities, is difficult to consider as purely Ukrainian, since in the 16th – 17th centuries not only Chernihiv, Putivl, Lyubech, Novgorod-Seversky were considered as northern territories, but also Bryansk, Starodub, Rylsk and Gomel as well. Seversk land, which was part of the Grand Duchy of Chernigov,

and then the principalities of Bryansk, Novgorod-Seversky, Starodubsky, etc., occupied an intermediate, «middle» position between the centers of consolidation of Eastern Slavism – Vladimir-Suzdal and Galitsko-Volynsky principalities, and then – in the 14-15 centuries – between the Grand Duchy of Moscow and the Grand Duchy of Lithuania. It is this distinctiveness that determined the allocation of this territory to a special region.

In the Lithuanian period of its history (the 14th and early 15th centuries), sevruks learned to combine fishing, hunting and boating with hiring for border guards, first in Lithuania, then in Russia. That is why the Russian government in the 16th century widely used Putillassevrucksto carry out guard service in the territory of the future Slobozhanshchina.

In the second half of the 16th – early 17th centuries significant changes began to occur in the life of the Seversk land. As it was quite necessary to fulfill further development of the territory, there was a necessity of permanent, rather than temporary settlers, primarily engaged in the defense of the southern border of Russia. At the end of the 16th century, the migratory wave from the central and central black-earth regions of Russia literally spilled out onto the sparsely populated Putyvl region, which to a certain extent swallowed the local sevruks.

Канішев Григорій Юрійович – кандидат історичних наук, доцент, доцент кафедри права гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М.Є. Жуковського «ХАІ».

Надійшла до редакції 20.06.2018. Розглянута на редколегії 25.06.2018.

Рецензенти:

Доктор філософських наук, професор ХАІ, професор кафедри філософії Національного аерокосмічного університету ім. М.Є. Жуковського «ХАІ» Кузнецов А.Ю.

Кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії Національного аерокосмічного університету ім. М.Є. Жуковського «ХАІ» Широка С.І.